Нет большего счастья. Пс. 76:12. Воспоминания Н.Г. Батурина

С 12 стиха Псалом 76:

> 12 Буду вспоминать о делах Господа; буду вспоминать о чудесах Твоих древних;
> 13 буду вникать во все дела Твои, размышлять о великих Твоих деяниях.
> 14 Боже! свят путь Твой. Кто Бог так великий, как Бог наш!
> 15 Ты — Бог, творящий чудеса; Ты явил могущество Своё среди народов;
> 16 Ты избавил мышцею народ Твой, сынов Иакова и Иосифа.
> Псалом 76 — Псалтирь — Библия: https://bible.by/syn/19/76/#12

Да поможет нам Господь вспоминать весь пройденный путь и моей жизни, и моей семьи. Много Господь явил за эти долгие годы разлук, испытаний, скорбей. Много явил Господь милости Своей и Своих чудес.

Когда в начале пробуждения нашем братстве, а это было в 1961-1962 годах, когда у нас в городе Шахты ещё в 1959 году закрыли Молитвенный дом, постепенно мы пришли к убеждению, что надо собираться по домам. И найти среди нас тех, кто согласен идти этим путем, кто не боится, что у дом отберут за то, что собрание проводят и кто не боится, что оштрафуют. С постом, с молитвою разрешали этот вопрос. И вместо одного молитвенного дома, который у нас отобрали, у нас стало 15, примерно так в среднем, 15 молитвенных домов. В том числе и в этом доме мы собирались, только раньше он поменьше был. А теперь более просторный Господь дал построить. Слава Господу. На этом месте собрание очень давно проводится, с начала 1960-х годов.

Одни из первых домов, это дом Полий Петра Константиновича, дом Передиреевых Василия Ивановича, дом Захаровых в конце города, Ситковских два дома было. И у Ивана Акимовича собирались.
О чём я хотел говорить так это насчёт молодёжи. В самом начале, когда мы стали собираться, у нас почти не было молодёжи. Детки ещё были все маленькие, по два, по три годика такие были ребятишки. И всё равно, как органы власти придут, им очень это не нравилось, что дети на собрании.
И когда меня в первый раз арестовали, отправили на ссылку, один из сотрудников милиции, офицер, несколько раз ударил меня кулаком в лицо и, с такой злобой: "Вот будешь знать, как водить детей своих на собрание!" И они отправили меня в ссылку на 5 лет, но так получилось, когда сняли эту ссылку, срезали наполовину (срок). Всего я там пробыл 2 года и 3 месяца. Есть у нас фотокарточка все маленькие детишки, сейчас здесь они находятся и многие женаты уже. И когда я приехал в Шахты, после ссылки для меня так это удивительно было. Уже детский хор у нас. Без меня, и я даже не видел, откуда они появились эти ребятишки. Детский хор поёт в Шахтах. Потом детский струнный оркестр появился. Дети растут, молодёжь растёт.

В 1966 году меня на три года осудили. В 1969 возвращаюсь, а тут уже молодёжный хор, молодёжный оркестр. Уже по-настоящему и поют, и играют и славят Господа, столько радости.
И так каждый срок, как возвращаюсь, особенно в 1976 году, когда я освободился, это просто чудо милости Божьей. Уже не только молодёжный хор, молодёжный оркестр, детский хор, а даже один раз в месяц молодёжь совершает полностью всё служение. Молодёжное собрание, а иногда даже только детское собрание одни дети ведут всё собрание. И эти собрания по 4 часа и не хочет никто уходить: "Ещё давайте, пойте, рассказывайте, прославляйте Господа!".
И уже я смотрю, как и сегодня вы видите, наши старушки, пожилые братья и сёстры уже где-то там, у стеночек скромненько сидят, а вся молодёжь ведёт собрание. Разве это не чудо милости Господней?
Все гонения, которые мы испытываем, в основном вся причина вот в чём:
- Зачем вы вовлекаете молодежь?
- А как я её вовлекаю? Когда меня забирают и меня семь лет мне было, а молодёжь без меня растёт. Молодёжь без меня кается, молодёжь без меня крещение принимает, всё больше и больше.
А я, находясь там, только молюсь за молодёжь: "Господи! Благослови их, укрепи их!"
За каждый год, кто принял водное крещение, я молюсь, чтобы Господь вас укрепил, благословил, дал силы идти этим путём, быть верными Богу и в жизни, и в служении, и во всём. И даже если кому придётся пережить эти испытания и узы, Господь ни где не оставляет.
Вы знаете, что за последние годы из числа нашей Шахтинской молодёжи один брат дважды отбыл в узах, вы все хорошо его знаете, и за него вы все молились, вся молодежь. И Господь его в самых тяжёлых испытаниях сохранил, защитил, как и всех нас. Узников Господь хранит и по вашим молитвам, в том числе. Только приходится радоваться и благодарить Господа, что Он совершает Свою победу, ни воинством, ни силой. Ну кто мы сами по себе? Ничего не значащее. И Бог избрал ничего не значащее в мире, чтобы упразднить значащее. И немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное. Только, как и сегодня мы слышали, будем свой взор постоянно направлять на Господа нашего Иисуса Христа и идти только по Его стопам, только за Ним, взирая на Начальника и Совершителя веры нашей.

Можно и за этот последний срок рассказать. Сейчас приходит такая мысль, за тот срок немножко я вспомню. Кто в 1976 году детками ещё были, сейчас уже подросли, стали членами Церкви. Вам тоже это интересно будет знать, как ведет Господь всю Церковь.

В 1972 году я был арестован в электричке по дороге в Ростов-на-Дону. Я был два года на нелегальном положении. И как раз в доме Передиреевых пришлось мне переночевать. Тут уже было известно органам, что я в пределах города находился. Уголовный розыск оцепил все электрички, весь транспорт. Мы ехали с Иваном Федоровичем Приходько вместе, он меня сопровождал. И так получилось, что надо было ему по одному делу остановиться в Мишкино, а мы договорились встретиться в Ростове. И только он в Мишкино сошёл и больше мы уже с ним не встретились. Меня окружили сотрудники из уголовного розыска и на Сельмаше ссадили. Уже стояла (автомашина) "Волга" около вокзала Сельмаша, и меня увезли прямо по внутренним... (*слово неразборчиво*).
Судили в Ростове. Во время следствия следователь очень редко вызывал, очень вяло вёл допросы, как будто нехотя, не хочет ничего там писать. Так, только для формальности что-нибудь спросит, запишет и всё. А вслед за ним или в этот же день, или в другой день сотрудники КГБ приходили и просили, уговаривали. Даже в первые дни, в первые три дня, когда они арестовали, задали три вопроса: "По этим трём вопросам дай согласи и никто не будет знать, что ты был арестован, и дело твоё перечеркнут, и завтра будешь на свободе".
Это свидетельство, во-первых, о том, что нас без всякой причины судят, потому что это дело очень легко перечеркнуть. Если был действительно преступным это дело было, то как это можно завтра преступника на свободу выпускать? А в том и дело, что нас невинно судят. И только требуют, например, чтобы мы не собирались по домам, чтобы зарегистрировались, чтобы не ездили в другие города, ходатайство не писали бы, не распространяли бы известия о гонениях, чтобы отказались от служителей Совета Церквей. И стали предлагать автономную регистрацию. В то время ещё не было (такого понятия, как) автономная регистрация.

Так шло следствие, и в конце концов я там отказывался от приема пищи и они решили дать мне свидание. Дважды давали свидание. Последнее из них было со всеми детьми. Дети еще маленькие тогда были. И мамаша моя была и жена, привели их и всего минут 15-20 дали повидаться, несколько слов успели только друг другу сказать. А потом опять семью увели и приходят кэгэбисты, и говорят:
- Давай согласие, и ты будешь с семьёй.
Я говорю:
- Нет! Я дал однажды обещание одному Господу служить, больше никаких согласий с кем-либо сотрудничать я не могу дать.
Они между собой (разговор такой повели): "Видишь, он и жену свою не любит, и детей своих не любит, ему ничего не дорого, он хочет лучше идти в узы..."
Потом был суд, осудили меня на 4 года. И, когда прошла половина срока, я отбывал в Коми АССР, недалеко от Сыктывкара поселок Верхний Чов, следователь приезжает туда, берет с собой местного сотрудника и говорит:
- Ну вот, Николай Георгиевич, как ты тут живешь? Как работаешь? Как здоровье?
А я молчу, думаю: "Что это? Как будто он этого не знает, как я живу, как работаю" и я говорю:
- Всё это вы знаете, не надо мне эти пустые разговоры, я не хочу об этом (говорить).

И тогда он начинает по делу разговаривать:
- Тебя же судили...
- А об этом тем более не хочу с вами разговаривать, вы прекрасно знаете, что я никакой не преступник, никакого преступления не делал, а это дело сфабриковали вы сами. Вы сами это дело создали и осудили. Так что не хочу я разговаривать.
Я хочу знать, по какой причине он приехал, а это всё пустые разговоры, чтобы какую-то тему избрать и занять время. Он потом видит, что я не хочу отвечать на его вопросы.

- А я привез тебе новость!
- Какую же новость?
- А ты, наверное, уже знаешь, ты же переписываешься с верующими?
- Нет! Я только имею право со своей семьей переписываться. С верующими я не переписываюсь.
- Может быть жена тебе написала, что в 1974 году вашим братьям во ВСЕХБ разрешен съезд?
- А мне то что от того, что им разрешён?
- Разве ты не желал бы поехать на этот съезд ?
- Что-то странное вы мне предлагаете? Я ещё в жизни не слыхал, чтобы из заключения, заключенные ездили бы на съезд в Москву. Такого ещё никогда не было.
- Ну, сегодня вы в заключении, завтра вы можете быть на свободе. Только вот эти три вопроса, которые мы вам говорили тогда, в Ростове, вот эти три вопроса, как мы вас проинструктируем, так и будете говорить на съезде. Завтра вы будете на свободе, поедете в Москву.
Я немножко сокращаю, а там очень острый был разговор. Я так был возмущён такой наглости, что не хотел никак с ним разговаривать.
- Вы подумайте, завтра мы ещё вас вызовем. Подумайте! Может быть для начала, для первого шага, вот такого характера письмо напишите своим единоверцам, чтобы они зарегистрировались, чтобы они по домам не собирались, чтобы они не писали никаких жалоб, ходатайств в правительство.
Они боятся, что эти жалобы совет родственников-узников опубликовывает и становятся они достоянием гласности, а этого они не хотели.
Примерно такие три вопроса были. И он продолжил:
- В письме изложите всё это верующим и тогда уже будет решаться вопрос о вашем освобождении и отправке на следствие.
- Никакого письма я писать не буду. И не вызывайте меня. Не надо тратить вам на командировки государственные средства, не приезжайте ко мне. Я с вами не желаю разговаривать.
Они отпустили меня, а на другой день опять вызвали. А там уже коротко, минут 15, и всё.
- Надумал писать письмо?
- Нет! Ничего писать не буду.
И они уехали. А я работал в мехмастерских, там же северной край. Работа была хороша тем, что зимой в тёплом помещении, на строгальном станке я работал, в токарном отделении.
И вдруг, после отъезда этого человека меня переводят из этой бригады на лесоповал. Теперь уже ясно и прямо можно говорить, за то что я отказался ехать на съезд ВСЕХБ, меня отправили на лесоповал. И там Господь хранил.
В этой же зоне, но только там была отдельная бригада, мебельное производство, и для своего производства заготавливали лес. Я работал там, примерно 9 месяцев. А потом меня уже оттуда списали. Опять на старую работу попал, перед освобождением. И в 1976-м году Господь дал

освободиться.
Это чтобы было понятно, что не за какие-то преступления нас судят, как они объясняют людям, не знающим. Говорят, что он уголовник, что он преступник, просто за отказ от сотрудничества с внешними. Вот вся причина, вся наша вина и то, что мы хотим быть свободной Церковью, Церковью Христа, которая повинуется только Христу и желает следовать, только заповедям Христа, только по Его учению жить. Мы никому не делаем никакого зла. Ведь всё учение Господа нашего – это учение любви, добра, справедливости. Любовь есть исполнение закона. Нет такого закона в мире и не было никогда на земле такого закона, общечеловеческого закона, гражданского, который бы христиане нарушали. Они искренно следуют за Господом, желают служить Ему. Поэтому среди нашего братства, среди гонимой Церкви нет уголовных преступников, а только нас называют таковыми, как вот и Христос, как вы знаете, был распят, невинный, безгрешный, святой, Сын Божий, был распят между двух разбойников и был причислен к злодеям. Эта самая наглядная картина, она является свидетельством и до сегодняшнего дня, что это наиболее тяжкие страницы жизни нашего гонимого братства, когда нас прямо причисляли к уголовным преступникам. А этот преступный мир очень тяжёлый, очень трудно с ним находиться вместе. Это тяжелое испытание.

> 18 ...Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её;
> Евангелие от Матфея 16 глава — Библия: https://bible.by/syn/40/16/#18

Особенно за этот последний срок пришлось уже окончательно убедиться, что действительно мы, все узники, находились во вратах ада. В буквальном смысле этого слова, это врата ада. И по человеческому рассуждению оттуда выхода нет, а Господь совершает Свои чудеса и хранит. Может быть, Господь и даст такую возможность на земле всем узникам собраться, всё рассказать, но это всё не перескажешь. Наверное, только в вечности мы подробно обо всём будем делиться и за всё славить Господа. Сколько чудес Он совершил в жизни наших дорогих братьев и сестёр узников.
И дома, и в семьях, и в Церквах Господь в немощи нашей совершает Свои победы. Только одно Он хочет:

> 10 ...Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни.
> Откровение Иоанна 2 глава — Библия: https://bible.by/syn/66/2/#10

Вот этот текст часто-часто приходилось получать в открытках от многих друзей, которые присылали нам весточки свои.
И ещё хотелось бы подчеркнуть, многие дети Божие, шахтинцы меня немножко знают более или менее, а вот со многих других Церквей нет. И молодёжь особенно. Большинство же не знают меня. Ну слышали, что в Совете Церквей есть такой брат, Батурин. А чтобы лично знать или как-то оценить мои духовные качества, что я за брат, многие не знают. И как бы молодёжь идеализирует образ этого брата: "Вот уж это брат у нас! Смотри-ка, сколько он в узах пробыл, сколько там трудится".
И все как-то стараются в своём воображении создать: "Уж это брат совершенный". И соответственно такие открытки они пишут, такие пожелания, что как будто я самый хороший из всех братьев, и так меня все любят, так поддерживают, и в молитвах. А когда на себя посмотришь и думаешь: "Господи! Ведь я не такой, каким меня считают. А все дети Божие хотят,

чтобы я был такой. Я ещё не совершенный, а они, особенно молодёжь, хотят, чтобы видеть в моём лице совершенного служителя Божьего и проповедника".

И это как бы давало мне такой стимул восторгаться к Господу в молитвах и о себе, и о своей семье, и о молодёжи Шахтинской Церкви, чтобы действительно быть образцом для подражания всем детям Божьим. Поэтому ваши открытки, ваши письма в этом и моему духовному росту помогали. Не только ободряли, но и поддерживали, чтобы стремление к Господу, стремление к совершенству (было). И Господь благословлял.

Я не знаю, может быть, вы подскажете, и у вас так было, кто из братьев освобождался из уз, но на этот раз Господь мне особую милость проявил. От начала и до конца, все семь лет, я чувствовал особую близость Господа.

Во-первых, ещё в Черкассах во время следствия я получил Библию. Следователь, хотя и не сразу, после долгих моих ходатайств, вручил мне Библию, одну из тех, которые были взяты при обыске в том доме, где меня арестовали. Там было несколько Библий. Там был хороший переплетчик, и сёстры привезли туда Библии, чтобы в кожаных переплетах с молнией сделать подарочными такие Библии. И моя Библия была там, и хозяйки, и её мужа покойного, и её сестёр. У хозяйки три сестры по плоти были, все члены Церкви и у каждой свои Библии. Много Библий было взято.

А он мне новую Библию вручил, где на титульном листе написано, что отпечатана в издательстве ВСЕХБ, Москва, 1962 год. Издано в нашей стране и они такую Библию разрешали. И с 26 февраля 1980 года Библия была при мне.

Оттуда после суда меня везли через Днепропетровск из Черкасс, а потом с Днепропетровска в Харьков. Из Харькова в Свердловскую тюрьму пересыльную. Из Свердловска в Мариинск, это уже в Сибири, в Кемеровской области. Из Мариинска в 1-й лагерь попал. И всё время Библия была при мне.

И только перед тем арестом в лагере, когда новый срок мне дали, случилось так, что она пропала у меня. Похитили её. Был ремонт в бараке и все койки были на улицу вынесены, и покрыты простынями, мы от дождя в них скрывались, как бы в палатках жили. Ну, просто койка обтянута простынёй и тумбочки там же стояли рядом. И однажды пошёл дождь, разрешили всем зайти, переспать в помещении на полу прямо. А койки и тумбочки остались на улице. И кое-кто воспользовался этим моментом и похитил у меня Библию. Вскоре, после этого я был арестован. Было новое следствие в Кемеровской тюрьме и следователь опять мне даёт Библию.

Церковь - это тело Христа, а глава Церкви Христос. И никакие узы, никакая изоляция духовного центра не может остановить дело Божие. Когда мы уже встали на этот путь очищения, освящения, следования за Господом по стопам Его, исполнения заповеди Его, воли Его, то уже никакие узы не могут остановить дело Божие, когда мы за Господом идём. Ведь всё наше движение внутрицерковное (заключается в том), чтобы устремление было наше только за Христом, только за Господом, не за братьями мы идём, как бы мы их не уважали, как бы мы их не ценили, наших дорогих братьев, но мы идём только за Господом.

И, когда создалась такая обстановка, что Совет Церквей оказался в узах и многие служители, пресвитера Церквей в узах. Большинство Церквей остались без служителей, или периодически как-то один брат уходит в узы, другой возвращается из уз. Вот такая разлука Церквей с пастырями, со служителями.

Новый вид такого служения и если бы не было гонений, этого служения мы бы не достигли.

Когда-то мамаша рассказывала, что братья такой метод служения применяли. Например, какое-то

большое собрание проводится, в 1920-е годы братьев было достаточно, проповедников и служителей. Двое, трое братьев, пока идёт собрание, уединяются где-то в комнате, становятся на колени, и молятся, чтобы Господь благословил это собрание. Вот такой вид служения был в 1920-е годы. И Господь обильно благословлял. И покаяния были, и обращения к Господу многих душ. Господь благословлял через это молитвенное служение.

А теперь нас Господь поместил в тюрьмы и лагеря. И что нам делать? Уже труд нельзя никакой совершать. Мы изолированы. Мы за решеткой, за колючей проволокой, а осталось очень важное дело наше, очень важное служение - молитвой поддерживать все Церкви, все наше братство.

С одной стороны Церковь устремляется к Господу в молитвах, просит, чтобы Господь благословил наших дорогих узников, служителей, также тружеников и тружениц, братьев, сестёр. Церковь за них молится, а они молятся за Церковь. И Господь слышит наши молитвы. Я думаю, многие в этом неоднократно убеждались. Мне приходилось замечать по своей жизни, каждый день слышит Господь, каждый день. И даже не в чём-то большом, а даже в самом малом. Как дитя у родителей просит и отец или мать даёт своему ребенку, так и наш Господь, Отец наш, всё посылает и защищает, и охраняет, и ободряет, и утешает. В этом и жизнь Церкви Христовой, что молитвы возносятся постоянно.

И чем больше скорби, тем мы больше к Господу. Вот такие мы немощные, чуть Господь даст нам поспокойнее, получше пожить, перестанут гонять, материальная жизнь улучшитя. И как-то плоть всё время нас обессиливает, разлучает с Господом. Вроде и молиться некогда и суета, и Слово Божие почитать некогда. И даже доходит до того, что некоторым и на собрание некогда пойти. Забывают о собрании не только пожилые, но даже и молодёжь, к стыду нашему случается, что перестают посещать собрания, и потом постепенно уходят и гибнут такие души.

А, когда скорбь появляется, когда гонение, скорби, И если мы действительно, в единстве, одним сердцем и душой желаем следовать за Господом, служить Ему, тогда эти скорби ещё больше нас объединяют, ещё больше нас приближают к Господу, и мы молимся и укрепляемся духовно. Такое служение эти последние годы несёт наш духовный центр Совет Церквей, почти все братья находятся в узах. Молимся также за братьев, которые трудятся на свободе, тоже в нелегких условиях.

И я лично всегда так считал, что несмотря на эти долгие узы, например, таким братьям, как Геннадий Константинович Крючков, гораздо тяжелее нести служение, хотя он и не в узах. А я всегда молился за него, чтобы Господь укрепил его, сохранил его.

Многие не знают, что он по плоти очень немощный брат, очень слабое состояние здоровья. (И таким братьям на воле, в их служении) гораздо тяжелее, чем в тюрьме.

Хотя у некоторых, к большому сожалению, появляются такие дерзкие мысли по отношению к Геннадию Константиновичу: "Почему он не придёт? Почему он даже с братьями не может встретиться? Как это так?"

Только ради Господа, ради дела Божия, ради сохранения того, что Господь нам дал он остаётся в подобном состоянии. И его добровольные узы, если можно так выразиться, продолжаются с сентября 1970-го года. Посчитайте, сколько брат разлучен со своей семьей, 16 лет без выхода. Но ради тех благословений, ради того труда, который он несёт, мы можем только благодарить Господа, что он даёт ему ещё терпение, силы и здоровье совершать этот труд. И да поможет Господь и дальше. И будем молиться, чтобы Господь и для него послал выход на свободу, чтобы не было преследований. Это всё в руках Господа. Будем об этом молиться, чтобы Господь и всех

узников наших вывел и дорогого брата Геннадия Константиновича, и очень многих братьев, которые сейчас на нелегальном положении трудятся, чтобы они могли бы свободно трудиться во славу Господа.
Понятно вот это молитвенное служение, как оно дорого, как оно ценно? В нём вся жизнь наша, жизнь Церкви, жизнь Совета Церквей, жизнь всей молодёжи, только в молитвах наших. И чем больше мы льнём к нашему братству, к Господу нашему, чем стараемся больше поддерживать наших братьев и сестёр, которые в узах, тем мы становимся ближе к Господу и Господь больше нас укрепляет духовно, и благословляет. Поэтому никогда не будем забывать, как апостол Павел поясняет:

> 26 Посему, страдает ли один член — страдают с ним все члены; славится ли один член — с ним радуются все члены.
> 1-е послание Коринфянам 12 глава — Библия: https://bible.by/syn/53/12/#26

Так и страдает ли один брат или сестра, чтобы страдала с ним вся Церковь, поддерживала и в молитвах, и чем только возможно. И тогда Господь сделает нас одним стадом, где Он Единый Пастырь, и приведёт нас в вечные обители, которые приготовил любящим Его.

Последний мой этап. Не осуществилось наше желания в Джамбуле иметь встречу после моего освобождения. Там, наверное, скоро мы узнаем, что много было друзей, которые приехали из Барнаула, может быть, еще дальше оттуда, с Восточной Сибири, из Западной Сибири, с Казахстана, из Средней Азии, многие могли там быть, даже из Челябинска, с Урала, возможно были. Но, видно так, не дали наши гонители эту встречу. Взяли меня ночью. И с пятницы на субботу, за две недели, до освобождения это было. Воскресенье было 28-го, 21-го и 14-го. Значит, 12-го числа меня взяли ночью на этап. Я уже тут рассказывал об этом и сейчас покороче расскажу. За этот этап пришлось пройти 10 обысков. При отправке из лагеря два обыска, потом при погрузке в вагон для заключенных - обыск, при пересадках в Уральске, опять же два обыска, в Воронеже опять два обыска, по прибытии в Ростов обыск и при отправлении из Ростова и наконец здесь, уже на девятке в Шахтах, последний обыск был. Господь везде хранил, помогал. За день до освобождения, в пятницу меня вызвали на этап. Я даже не знал, куда вызывают. Ожидал, что в Ростове освободят. И думал, что в Ростове сразу пойду к друзьям своим повидаться. Но Господь дальше повёл. Это тоже последние такие испытания тяжести пути. С ростовчанами не пришлось встретиться, встречались здесь уже в Шахтах. Из Ростова, когда отправляли меня конвой и майор зачитывает по делу. Я ещё не знал, куда они меня из Ростова хотят повезти. Но вижу, что на дорогу продуктов не дали, значит недалеко, видимо, в Шахты. Он зачитывает все данные, фамилию, имя и отчество, год рождения, статью, срок. И говорит:
- Ну что? На освобождение идёте?
Я говорю:
- Да! На освобождение.
- С чем и поздравляю!
- Благодарю!
И направил в самый угол, там солдаты выстроились, несколько человек солдат конвоя и каждый кого-то обыскивает. Проверяется, что в мешке. Мешка у меня уже не было, всё по дороге оставил лишние. Была сумочка чёрная и ещё свёрток целлофановый. И вот он направил к молодому

солдату, видно, что на первому году службы. Он услышал, что я на освобождении иду, и видно в глазах его сочувствие такое. А может даже и знает верующих или из верующей семьи, но там же некогда разговаривать, знакомиться. Я подошел, он взял эту сумочку, а там молния, открыл только для вида, что-то осмотрел, ничего не стал (вынимать). Ну, они обычно разбросают всё, а потом скорее, скорее, и некогда что-то собрать. Там и нет ничего запретного, а всё равно всегда осадок неприятный. Во всём копаются, раскидают, тут на полу чуть не растопчут, а потом собирай свои вещи. Там бельё, если чистое из грязи надо собирать, письма, открытки, фотокарточки. А он ничего даже не тронул. Для вида только посмотрел.

И так я приехал сюда (в Шахты). Дорога сравнительно трудная была. Везли меня одного, как особо опасного преступника. Спецконвой вёз меня в одном из купе. Создали такую обстановку, чтобы ко мне никто не подошёл, чтобы никто не смог со мной разговаривать. А в соседнем купе девчат везли, у меня были продукты, ещё с ларька две банки консервов, хотя мне и не додали продуктов много в Джамбуле. Мне должны они были дать на всю дорогу, а они даже до Уральска мне дали меньше, чем остальным. А у меня всё равно продукты оставались, хватало на дорогу. И одну банку консервов я в соседней купе передал, девчатам. У меня открытки были со 120-м псалом, получены были со свободы. А на другой открытке 13 глава Послания Коринфянам, о любви. Я говорю:

- Пусть почитают, что такое настоящая любовь, в чём она заключается.

И этот конвойный солдат прочитал, посмотрел, и они под таким страхом, что меня такого преступника везут, говорит:

- Нет! Если бы чистая, я бы передал, а это нельзя, нельзя.

Ну, побоялся передать эти открытки.

И здесь, в Шахтах, за весь этот двухнедельный этап, неделю я прожил в Ростовской тюрьме. В Шахтах дали мне постель переночевать последнюю ночь, так и согрелся с дороги, и отдохнул немножко. На каменоломнях долго стояли, а у меня уже телогрейки не было, я её в Ростове оставил, немного продрог. Долго они что-то с воронком стояли там. Согрелся в постели.

Примерно в полседьмого я встал, опять помолился и ночью молился. Утром помолился, пошёл, помылся и взял свои вещи. Там у меня кое-что было, ещё сохранились записи из Слова Божия. Почитал, потом вышел, прогулялся немножко, спел несколько псалмов. И потом поднялся опять на второй этаж, где и ночевал. И стою у окна, а там кто-то идёт по двору и машет мне, чтобы я выходил. Я вышел, зашел в их штаб, а там капитан по трудоустройству начал со мной беседовать. Я вижу, что это пустая формальность, там всё у них уже оформлено, а спрашивает:

- Куда думаешь на работу устраивается, где будешь работать?

Я говорю, что это не проблема, работа всегда найдётся. А потом заходит подполковник. Потом я узнал, что это начальник по режиму и оперативной работе, на здешней зоне. А тот дал мне заполнять бланк, где нужно было указать место жительства, адрес, куда еду к семье и специальность, где будешь работать. Я только взял ручку заполнять и подполковник заходит. Я сижу на стуле, пишу, а он сразу так грубо:

- Встать надо!

Я встал, говорю:

- Здравствуйте.

- Почему в тапочках? - на этого капитана сразу (набросился), — Почему он не по форме одет?

А я же в Ростове бросил телогрейку, ботинки и думал, что в тапочках выйду из зоны, так все

выходят в тапочках оттуда. И потом тех, которых освобождали со мной человека четыре и все они тоже в тапочках, и никто к ним не придирался, а ко мне сразу.
- В карцер посажу, в ШИЗО посажу, за то, что в тапочках, не по форме одет.
Я ему объяснил, что я не знал, что меня сюда привезут, я думал с Ростова будут освобождать.
- А кто вас взял на этап не по форме одетого?
В общем, нашумел и потом на капитана этого:
- Выйди, я с ним поговорю один на один.
И обратился ко мне:
- Вы выходите на свободу, опять будете заниматься тем же? Я вас предупреждаю, чтоб сюда не попадали больше.
А я начал ему свидетельствовать, говорю:
- Я не преступник. Я никакого преступления не совершал в жизни.
А дальше больше и у нас зашёл разговор, вижу он стихает, злоба его стихает. Я ему объяснил:
- Отчего же вы меня тогда предостерегаете? В этом учении, в вере своей, я вижу самое лучше для меня, и что, будучи верующим, я самое лучшее несу людям и в жизни, и в труде, и в поведении, во всём. И ведь дети мои также выросли, и я им самое лучшее старался привить. А вы к чему меня призываете?
И он не находит, чего сказать.
- Ну вас же судили, вы нарушаете законодательство.
Немножко он утих, потом уже и за тапочки не стал придираться. Потом этот капитан нас всех собрал и повёл на вахту. Там такая решетчатая стена, калитка перед вахтой. Он опять увидел, что (я в тапочках), а он приказывал капитану, чтобы тот мне нашёл ботинки, а я опять в тапочках стоял и те в тапочках. Опять идёт этот подполковник и говорит:
- Почему вы их освобождаете в тапочках?
А тут уже другой капитан ему говорит:
- Да какая разница, они сейчас два шага за вахту сделают и там переоденутся во всё гражданское.
И всё равно завели нас, когда уже документы зачитывали и справки выдавали об освобождении, он послал этого капитана и тот принёс мне какие-то старые ботинки.
- Тапочка возьми с собой, а ботинки сейчас обуй.
И вышло так, что я один был в ботинках, а остальные заключенные так и остались в тапочках.
Когда выдавали справку об освобождении старший лейтенант из спецчасти зачитывает надзор тем, у кого надзор и даёт расписаться в том, что объявлено о надзоре. Мне самому последнему зачитывали, что объявлен надзор, ещё 9 августа решением заместителя прокурора Джамбульской области.
Потом вывели нас за вахту и провели опять на второй этаж туда, где кабинет начальника колонии. Начальник колонии напутственное слово сказал, тоже записал кто и куда едет, какая специальность и где будут работать, всех записал и меня записал.
- Вот пожелания вам, вы уже не граждане осужденные, вы уже товарищи, так мы к вам обращаемся, чтобы больше сюда не попадали.
Так, ничего особого не сказали. И всех выпускают, а меня одного задерживают. А тут, кроме этого подполковника, начальника колонии, сидят несколько человек гражданских. Потом уже мне объяснили, что один из сотрудников КГБ, один прокурор Ленинского района. И, когда все

освобождающиеся вышли, прокурор встаёт и зачитывает мне более подробно за надзор, в чём он состоит. Уже решение не Джамбульского прокурора, а местная прокуратура Ленинского района вынесла это постановление о надзоре.
На 12 месяцев надзор. Запрещается, например, выезд за пределы города Шахт. Запрещается выход из дома от 18 до 06 часов утра. И раз в неделю нужно приходить отмечаться.
И так получилось, что я там был у них и в понедельник и в среду был насчёт прописки, приходил оформлять прописку. В среду был, а отмечаться в четверг. А в четверг так получилось, что друзья приезжают то один, то другой. Я забыл совсем, что сегодня четверг. И только в пятницу утром просыпаюсь и думаю: "Так, сегодня же пятница! А я не ходил отмечаться!"
И утром (в пятницу же) сразу пошел туда. Там молодые оперуполномоченные по надзору. То я с одним разговаривал, а пришёл, там другой сидит. И вот этот другой сразу начал писать протокол за нарушение надзора. Протокол написали, потом рапорт написали, пошли и подписали по начальству, и в суд. Сразу в суд. За нарушение надзора. Повели в суд. Валя тоже со мной была там. Насчёт прописки ходили мы вместе. И судья объявляет 10 рублей штраф.

- Пойдите в сберегательную кассу и заплатите, тогда паспорт отдадим.

Пошёл, заплатил 10 рублей. Значит, уже одно нарушение есть.

Ну здесь уже я не туда повернул, надо было только о хорошем рассказать.

Встретили очень хорошо друзья за вахтой. Там ещё какая-то загородка, еще какая-то будка стоит в метрах 400 от этой зоны. Вот до этой зоны меня сопровождал какой-то капитан, а там уже стояли наши родные, друзья. Все встречали с цветами. Когда я подходил, они сразу псалом запели. Какой псалом пели? Жить для Иисуса. Поприветствовались мы, а следом идёт эта машина с кэгэбистом, с прокурором. И вот они говорят:
- Не задерживайтесь, не задерживайтесь! Идите, идите, идите!
Ну, мы тут один раз остановились поприветствовались, помолились. А потом несколько шагов прошли, ещё раз остановились, брат предложил сфотографироваться. А они уже на машине догнали нас.
- Ну что вы, Николай Георгиевич, вы же знаете, что надо идти туда, здесь нельзя останавливаться.
Мы по-быстрому сфотографировались и поехали уже к нам домой. Там провели первое общение. Слава Господу!
Потом весь день было общение. Кто уходил, кто приходил. Вечером опять собрались. Весь вечер субботв так провели. В воскресенье собрание здесь было на свежем воздухе. Погода хорошая, Господь благословил провести общение. Ну, правда, друзья приезжали только с Ростова, с дальних краёв мало кто был.
Меня спрашивают: "Сколько всего отбыл срока!". В письме я об этом домой писал. Отбыл я всего три года, если только эти года считать одними воскресеньями. Три раза по 7 лет.
Вторая семилетка была с перерывами, 3 года и 4, а первый срок, который с юности Господь дал перенести, я тогда был таким, как многие из вас, мне исполнился 21 год. Первый срок был без свиданий 7 лет.
И так Господь меня провел (через всё это) просто чудно! Последнее время я удивлялся, и

говорю:
- Господи! Как Ты благ к душе моей!
В прошлый раз, в 1976-м году я освободился, приехал Дмитрий Васильевич и спрашивает:
- Ну как брат? Тебе, наверное, тяжело было, ты уже устал? Наверное, трудно было 4 года?
А я говорю:
- Знаешь, Дмитрий Васильевич, я всё ещё жду, когда же это трудно будет. Как будто бы всё так легко. Я знаю, что мой отец и те братья с 1930-х годов, как они переносили тяжести. Никакого сравнения. Меня так Господь ведёт, со всех сторон как будто оберегает, охраняет. Как будто всё время он меня по голове гладит: "Не унывай! Не печалься!"

Просто удивительно, как Господь ведёт. И с Господом всегда хорошо. Нет большего счастья. Аминь.

Перевод в текстовый формат - источник файл MP3 - 05.Пятый приговор - Батурин Н.Г. - [1:02:20]

Комментарии
